

Особенности распознавания эмоций и управления ими при гелотофобии

Климова К.К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2163-4996>, e-mail: klimova-kk@ranepa.ru

Кравченко Ю.Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Гелотофобия — боязнь осмеяния, проявляющаяся как в составе тревожных и депрессивных расстройств, так и самостоятельно. В исследовании выяснялось, ограничиваются ли свойственные гелотофобии особенности распознавания и контроля экспрессии областью позитивных эмоций или проявляются в регуляции других эмоций; сопоставимы ли результаты самоотчетных и тестовых методов оценки понимания эмоций, а также прямой и косвенной оценки способности к контролю эмоций. В совокупности приняли участие 235 студентов первого курса гуманитарных направлений Института общественных наук ФГБОУ ВО РАНХиГС, среди которых 181 девушка и 54 юноши (средний возраст — $17,95 \pm 1,78$ лет). Использовались следующие самоотчетные методики: ЭМИн, GELOPH-15, Опросник способов копинга (ОСК), Торонтская алекситимическая шкала, Метод определения атрибутивных стилей; а также тестовые методы: Видео-тест Д.В. Люсина и В.В. Овсянниковой и аппаратное хронометрирование скорости определения эмоций по стабильному изображению. Результаты обрабатывались с помощью сравнительного, корреляционного и регрессионного видов анализа. Результаты исследования свидетельствуют о том, что связанные с гелотофобией особенности распознавания и контроля эмоций распространяются, помимо радости, на печаль, но не страх и гнев. Видимое ухудшение качества распознавания и контроля эмоций хорошо фиксируется самоотчетными методами, тогда как тестовые задачи свидетельствуют об отсутствии таких ухудшений или их вторичности: точность распознавания снижается только при ограничении времени, отводимого на распознавание позитивной экспрессии. Снижение эффективности контроля эмоций проявляется только в более редком обращении к копингу «Избегание» (более низкие оценки своей способности контролировать достижение успеха и избегание неудачи).

Ключевые слова: гелотофобия, эмоциональный интеллект, копинг, стили объяснения успехов и неудач, категоризация эмоций, понимание эмоций, контроль экспрессии.

Для цитаты: Климова К.К., Кравченко Ю.Е. Особенности распознавания эмоций и управления ими при гелотофобии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 4. С. 92–113. DOI: 10.17759/cpse.2022110404

Understanding and Managing Emotions in Gelotophobia

Kseniia K. Klimova

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2163-4996>, e-mail: klimova-kk@ranepa.ru*

Yunna E. Kravchenko

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: [e-mail: asunaro@mail.ru](mailto:asunaro@mail.ru)*

Gelotophobia is a fear of ridicule, that manifests both as part of anxiety and depressive disorders, and independently. The study finds out whether some features of recognition and control of expression are limited to the area of positive emotions or manifest themselves in the regulation of other emotions with gelotophobia. The results of self-reporting and test methods for assessing the understanding of emotions, as well as direct and indirect measurements of the ability to control emotions, are compared, and an interference effect of alexithymia is controlled. In total 235 subjects took a part ($M_{age}=17,95$, $SD_{age}=1,78$), among whom 181 female and 54 male students of the humanities answered questionnaires Emotional Intelligence (EI), Ways of coping (WCQ) of Lazarus, Questionnaire of Gelotophobia (GELOPH-15), Toronto Alexithymia Scale (TAS), attributional style questionnaire of Seligman) and did tests (Video Test of Lysin and Ovsyannikova, timing of emotion naming). Quantitative comparative analysis, correlation, and regression analysis were used. The results indicate that some characteristic properties of recognition and control of emotions associated with gelotophobia extend to some other emotions (sadness, but not fear and anger). The reduction in recognition and control of emotions in gelotophobia manifests only through self-reporting methods, while tests show minimal differences depending on gelotophobia grade and their derived character. The accuracy of recognition decreases with gelotophobia grade only when the recognition time is limited. The reduction of control manifests only in the rarer use of Avoidance coping, which is associated with a lower evaluation of the ability to control achieving success and avoiding failure by the individual. the conviction of the individual.

Keywords: gelotophobia, emotional intelligence, coping, attribution of success and failure style, emotions categorization, emotions recognition, expression control.

For citation: Klimova K.K., Kravchenko Yu.E. Understanding and Managing Emotions in Gelotophobia. *Klinicheskaja i spetsial'naja psikhologija=Clinical Psychology and Special Education*, 2022. Vol. 11, no. 4, pp. 92–113. DOI: 10.17759/cpse.2022110404 (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение

Гелотофобия — боязнь осмеяния, которая делает ее обладателей подозрительными и тревожными по отношению к людям, которые веселятся или шутят. В структуру гелотофобии входят неумение воспринимать улыбку и смех собеседника как нечто позитивное, неспособность различать добродушное подтрунивание и агрессивное дразнение и болезненное реагирование на юмористические замечания — доброжелательные шутки окружающих воспринимаются как насмешки. Обладатели гелотофобии смеются как бы против воли, их смех может быть неестественным и неуместным. Юмор при гелотофобии тоже неуместный и агрессивный; такие люди способны шутить только в присутствии близких, не могут использовать юмор в качестве копинга [7; 15; 21].

Изначально М. Титц обнаружил гелотофобию как феномен при работе с пациентами клиники неврозов. Он заметил, что некоторые пациенты с расстройствами тревожного и депрессивного спектров убеждены, что они являются смешными и нелепыми, и поэтому озабочены смехом окружающих. Такую озабоченность М. Титц охарактеризовал как паранойяльную тенденцию, проявляющуюся в гипертрофированной чувствительности к оскорблениям, провоцирующей замкнутость [25].

Впоследствии подобная гипертрофированная боязнь осмеяния обнаружилась и при отсутствии невротических проявлений, что позволило присвоить ей статус самостоятельного синдрома. В. Рух и Р.Т. Проьер выделили критерии различения здорового страха выглядеть смешным и его патологических проявлений. Патологический страх осмеяния отличаются следующие манифестации: страх выглядеть смешным является безосновательным (актуальная причина высмеивания со стороны других людей отсутствует); физиологические и поведенческие симптомы в ответ на чьи-то шутки имеют экстраординарную интенсивность; страх сохраняется длительное время в отсутствие подкрепления [7; 11].

В контексте перечисленных особенностей основным предметом изучения когнитивных аспектов гелотофобии стала специфика различения доброжелательной и негативной окрасок юмора, а также способность к контролю эмоциональных переживаний и реакций, связанных с восприятием юмора.

В целом исследователи отмечают более низкие способности к различению насмешек и доброжелательного смеха при гелотофобии [11; 18; 22], и качество такого различения по картиночным тестам коррелирует с самоотчетом [20]. Однако проанализировав публикации по теме в базах e-library, Psycharticals и Psychinfo, нам не удалось найти исследований, проверяющих, распространяется ли данная закономерность на функции различения эмоций других людей или же она ограничивается только распознаванием доброжелательной или враждебной интенции,

лежащей за веселой экспрессией. Поскольку восприятие экспрессии других людей варьирует на фоне собственных переживаний человека, можно допустить, что гелотофобия может затронуть не только уровень распознавания веселой экспрессии окружающих, но и экспрессии страха (поскольку переживается боязнь осмеяния), а также экспрессии гнева, который выступает типичной реакцией на осмеяние, особенно публичное. Также при гелотофобии может быть искажено восприятие печали — эмоции, которая во многих теориях эмоций выступает противоположностью радости.

Нам удалось найти только косвенные свидетельства в пользу существования специфики распознавания других эмоций, кроме веселья, при гелотофобии. Об особой незащищенности в отношении проявлений гнева и агрессии свидетельствуют психофизиологические данные И. Папусек и коллег. В серии исследований с использованием электроэнцефалограммы они показали, что активация префронтальных и задних зон коры при распознавании веселья при гелотофобии снижена по сравнению с контрольной группой. Авторы интерпретируют меньшую активность этих зон как показатель ослабленной высокоуровневой переработки информации, связанной с переживаниями гнева и агрессии, что делает обладателя гелотофобии более подверженным этим переживаниям и менее способным к пониманию их оттенков — различению дружеского подшучивания и высмеивания [13; 14; 16].

С таким же недостатком исследовательских данных мы столкнулись в отношении способности к контролю эмоций. Исследователи в основном фокусируются на факте, что при гелотофобии затруднено использование юмора в качестве стратегии копинга, т.е. в качестве средства преодоления негативных переживаний и стресса [2; 11; 23]. Однако не исключено, что это не единственная стратегия копинга, возможности использования которой ограничены, а ее ограничение является частным случаем более общего нарушения способности к контролю эмоций. Дефицит контроля эмоций обычно распространяется на другие сферы, в том числе связанные с последствиями гелотофобии. По наблюдениям М. Титца страх показаться смешным, тревога по поводу социальных контактов, гнев в адрес смеющихся, печаль и депрессивные состояния часто сопровождаются гелотофобией. В подтверждение этому обладатели гелотофобии в самоотчетных методиках оценивают свои способности к контролю эмоций в целом и не пытаются противостоять негативному воздействию стрессовых ситуаций [10; 15].

Косвенно о снижении контроля эмоций при гелотофобии свидетельствуют хорошо реплицируемые связи между гелотофобией и деструктивными стилями привязанности [8; 10; 15; 27]. Нарушение привязанности возникает как реакция на невозможность своевременно получить материнскую заботу и внимание в раннем возрасте и проявляется в преувеличенном и ненасыщаемом стремлении контролировать привязанность партнера в старших возрастах [19].

Данные об особенностях понимания и контроля эмоций при гелотофобии иногда выглядят противоречиво по причине различий в методах исследования. На это обратили внимание сами исследователи [8; 17], которые указывают, что обладателей гелотофобии отличают не столько особенности функционирования тех или иных процессов, сколько обесценивающее отношение к ним со стороны их обладателей.

Так, остроумие и способность шутить при гелотофобии не снижены (хотя имеют свои особенности), но недооцениваются их обладателями. Такое же отношение выявляется и к неэмоциональным процессам при гелотофобии. «Гелотофобия не связана с уровнем развития когнитивных способностей (вербальным и математическим интеллектом, пространственным мышлением, рассуждением, словарным запасом, памятью и вниманием), однако люди с высокой степенью выраженности гелотофобии склонны их недооценивать» [17 с. 152]. Поэтому измерение с помощью самоотчетных и тестовых методов одних и тех же личностных особенностей при гелотофобии может давать различающиеся результаты.

Это обстоятельство привело нас к ряду вопросов.

1) Сопряжено ли наличие гелотофобии с более низкой или высокой оценкой своих способностей к пониманию и контролю эмоций (своих и других людей)?

2) Затрагивают ли эти особенности только субъективное представление (самоотчет) человека о своих способностях распознавать и контролировать эмоции или проявляются в эффективности решения тестовых заданий?

3) Действительно ли особенности распознавания и контроля эмоций при гелотофобии ограничиваются только проявлениями веселья и не распространяются на сферы других эмоций?

Поиск ответов на эти вопросы и стал целью предлагаемого нами исследования. Учитывая тесную связь гелотофобии с озабоченностью своим образом в глазах окружающих, мы предположили, что большинство нарушений распознавания и контроля эмоций выявятся в самоотчетных методиках, но не в тестовых, и будут нарастать пропорционально выраженности гелотофобии. Чем больше выражена гелотофобия, тем больше эти особенности будут распространяться на другие эмоции, помимо распознавания и контроля веселья. Основываясь на том, что первоначально гелотофобия была описана как симптом в невротической картине депрессивных и тревожных расстройств, мы ожидали обнаружить более низкую оценку своих способностей к пониманию и контролю эмоций даже при минимальной выраженности гелотофобии. Более низкая оценка может основываться на сравнении своего болезненного реагирования на веселье окружающих с более легким реагированием других людей. Однако не исключена и более высокая оценка этих способностей, основанная на уверенности в том, что обладатель гелотофобии видит больше, чем другие: оскорбления и насмешки, скрытые за улыбкой и шуткой. В случае подтверждения наших гипотез можно будет рассматривать в качестве перспективы для дальнейших исследований возможность распространения особенностей контроля и распознавания экспрессии за пределы веселья (основного объекта страха при гелотофобии) на другие эмоции. А также возможность изучить искажения репрезентации своих способностей к пониманию и контролю эмоций как признаки перехода от страха осмеяния, присущего любому человеку в норме, к его невротическому протеканию, и даже шире — как признаки, позволяющие подозревать невротическую подоплеку в других психологических явлениях эмоциональной природы (например, в особенностях характера), встречающихся как в норме, так и в клинике.

Методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 235 студентов, обучающиеся в РАНХиГС на первом курсе по гуманитарным направлениям. Возрастной диапазон респондентов составил 16–23 года (средний возраст — $17,95 \pm 1,78$ лет); участвовали 181 девушка и 54 юноши. Поскольку гелотофобия диагностировалась нами методикой, нормированной на клинической и не клинической группах, критерии включения и исключения из выборки не применялись.

Процедура исследования. Опросники заполнялись с помощью гугл-форм: 125 респондент заполнил гугл-формы в аудитории в присутствии исследователя, 110 респондентов заполнили опросники вне университета.

Самоотчетные методики

1. *Опросник GELOPH-15* (в адаптации Е.А. Стефаненко, Е.М. Ивановой, С.Н. Ениколопова) применялся для выявления гелотофобии [7]. Опросник нормирован на клинической (пациенты клиники неврозов с депрессивными и тревожными диагнозами) и на обычной выборках, устанавливает среднестатистические нормы выраженности гелотофобии при тревожных и депрессивных расстройствах и среднестатистический уровень выраженности гелотофобии, встречающийся в повседневной жизни в отсутствие невротической симптоматики. Это позволяет с помощью одной методики оценивать соответствие статистической норме проявлений гелотофобии при наличии и отсутствии невротического расстройства [23, с. 97]. Таким образом, GELOPH-15 позволяет устанавливать полное отсутствие страха осмеяния, пограничное состояние, слабую, среднюю и сильную выраженность гелотофобии. Опросник состоит из 15 утверждений, оценивающих субъективный уровень страха насмешки по шкале Ликерта от 1 («полностью не согласен») до 4 баллов («полностью согласен»). Количество баллов суммируется и делится на количество вопросов; итоговый балл варьируется в диапазоне от 1 до 4 ($M=2,5$, $SD=0,5$).

2. *Опросник ЭМИн* (разработан Д.В. Люсиным [3]) использовался для оценки способности к контролю эмоций. Этот самоотчетный опросник позволяет оценить эффективность понимания и контроля своих эмоций и эмоций другого человека, а также контроль собственной экспрессии. Методика состоит из 46 прямых и обратных утверждений, оцениваемых от 1 балла («полностью не согласен») до 4 баллов («полностью согласен»). Пункты объединяются в пять субшкал: 1) Общий эмоциональный интеллект, который трактуется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими; 2) Межличностный эмоциональный интеллект — понимание эмоций других людей; 3) Внутриличностный эмоциональный интеллект — понимание собственных эмоций; 4) Способность к пониманию своих и чужих эмоций; 5) Способность к управлению своими и чужими эмоциями. В основе измерения лежит шкала стенов, субшкалы различаются по среднему стандартному отклонению.

В дополнение были взяты две стандартизированные самоотчетные методики, оценивающие способность к контролю эмоций не непосредственно, а через оценку

убеждений относительно контролируемости причин успехов и неудач, служащих поводами для оптимистических и пессимистических переживаний, и через оценку частоты использования отдельных способов контроля негативных переживаний и стресса.

3. *Опросник определения атрибутивных стилей* разработан М. Зелигманом на основании его теории выученной беспомощности [5] и использовался нами для оценки способностей к контролю возникновения позитивных и негативных эмоций через контролируемость источников этих переживаний. Опросник состоит из 48 вопросов, образующих 9 стандартизированных шкал, соответствующих атрибутивным стилям: негативный интернальный, негативный стабильный, негативный глобальный; позитивный интернальный, позитивный стабильный, позитивный глобальный, общий позитивный, общий негативный атрибутивный и ведущий [5]. Для получения результатов по общему позитивному и общему негативному атрибутивным стилям складываются три показателя по оценке позитивных и негативных событий соответственно. Чтобы высчитать ведущий стиль, высчитывается разница между общим позитивным и общим негативным стилями. Шкалы отражают уверенность человека в своих возможностях достижения успеха и избегания неудачи, выступающих фундаментальными источниками позитивных и негативных переживаний. Оптимистический стиль реагирования предполагает контролируемость достижения успеха и убежденность в случайной и непредсказуемой природе неудач. Пессимистический стиль, напротив, отражает уверенность в случайности успеха и неконтролируемости неудач, которые возникают по причине «непреодолимых» личностных особенностей.

4. *Методика Опросник способов coping (ОСК)* [1] является единственной полной адаптацией известного опросника *Ways of Coping (WCQ)* [11; 12] и использовалась нами для косвенной оценки способности к контролю эмоций через количество и частоту обращения к разным по характеру действия средствам такого контроля (стратегиям coping). Методика состоит из 66 утверждений, степень согласия с которыми оценивается по шкале Ликерта от 0 до 3. Результаты отражают частоту использования стратегий coping: планомерное решение проблемы, обращение за поддержкой к социальному окружению, позитивная переоценка, противостояние, самоконтроль, самообвинение, фантазирование и надежда на внешние силы, дистанцирование, уход, избегание.

Поскольку затруднения в словесном описании своего состояния могли повлиять на результаты исследования, алекситимия была введена как контролирующая переменная и также измерялась самоотчетной методикой.

5. *Торонтская алекситимическая шкала* (в адаптации Е.Г. Старостиной и др. [6]) использовалась для оценки способности респондентов называть эмоции, переживаемые ими самим или другими людьми. Шкала стандартизована, состоит из 20 утверждений, оцениваемых респондентом по пятибалльной шкале Ликерта. Шкала содержит нормативные значения, полученные на представительной выборке терапевтических больных и позволяющие установить невротический уровень, легкую степень или отсутствие алекситимии.

Тестовые методики

1. *Видео-тест Д.В. Люсина и В.В. Овсянниковой* [4] использовался для оценки способности к пониманию своих и чужих эмоций. Тест позволяет оценить точность понимания эмоций и сензитивность к положительной и отрицательной валентностям переживания эмоций. Тест состоит из семи отобранных разработчиками видеозаписей естественного поведения отдельных лиц, групп людей и индивидуально-группового взаимодействия. Длительность каждой записи примерно 60 секунд. На роликах были представлены один или несколько персонажей. Респондентам предстояло оценить интенсивность эмоции ключевого персонажа по набору шкал. Для этого авторы разработали 15 шкал, представляющих собой названия эмоциональных категорий (гнев, расслабленность, удивление, презрение, стыд, тревога, отвращение, интерес, недовольство, возбуждение, страдание, радость, страх, спокойствие, вина). Тест проводился в аудитории с помощью компьютерной презентации. Обработка результатов проводилась с помощью электронного ключа, составленного разработчиками, основанного на сопоставлении точности определения эмоций респондентами и приписываемой ими интенсивности с данными экспертов, закодированными в электронный ключ. Итоговые результаты Видео-теста представлены в шкале стенов.

2. *Аппаратное хронометрирование* скорости определения эмоций по стабильному изображению применялось в качестве альтернативной тестовой оценки точности и скорости называния модальности эмоций. Процедура была реализована с помощью программного обеспечения Ogama 5.0, позволяющего регистрировать скорость реакции от начала предъявления стимула до итогового выбора ответа, а также записывать траекторию движения мыши, которая показывает перемещения между разными вариантами ответов до итогового выбора. Участники должны были по фотографии называть модальность четырех эмоций: радости, печали, страха и гнева. Радость и страх были выбраны исходя из понятия гелотофобии как боязни осмеяния, а печаль и гнев — как противоположные радости и страху модальности переживания. Распознавание модальностей эмоций производилось по фотографиям на основании двух источников — лицевой экспрессии и обстоятельств переживания.

Лица, использованные в качестве стимульного материала, были взяты из базы эмоциональных выражений NimStim, имеющейся в открытом доступе в интернете [26]. Всего было 4 мужских лица и 4 женских, выражающих базовые эмоции гнева, страха, радости и печали. На основании данных обширного кросскультурного исследования [24], авторы которого описали условия и события, наиболее типичные с точки зрения представителей более чем двух десятков культур для переживания базовых эмоций, были подобраны изображения ситуаций, которые наиболее типичны для переживания тех же эмоций.

В инструкции респондентов просили на основании лицевой экспрессии или оценки ситуации переживания оценить, какую из четырех эмоций чувствует человек на фотографии. Респонденту нужно было кликнуть мышью на наименование эмоции, которую он считает наиболее соответствующей данному выражению лица или обстоятельству. На фотографиях могли предъявляться: 1) лицо с определенной экспрессией на белом фоне; либо 2) изображение обстоятельств и фигуры человека

с неразличимым выражением лица; либо 3) ситуации, в которых выражение лица соответствовало обстоятельствам переживания и было вызвано ими; либо 4) ситуации, в которых выражение лица отличалось, либо было прямо противоположно тем переживаниям, которые провоцируют обстоятельства, видимые на фотографии. Оценивались точность и скорость называния эмоции по лицу или на основе оценки условий переживания. Всего респондентами оценивалось 170 изображений.

Анализ данных. Обработка результатов проводилась в три этапа. Предварительно контролировалось влияние побочных переменных — алекситимии и гендерных особенностей — на результаты выполнения методик исследования. На первом этапе выявлялись особенности контроля и понимания эмоций, которые сопряжены с наличием или отсутствием гелотофобии, путем сравнения средних значений (критерий Манна–Уитни) по самоотчетным методикам ($n=235$). На втором и третьем этапах результаты самоотчетных методик в совокупности с тестовой оценкой точности и скорости распознавания эмоций в двух разных тестовых процедурах обрабатывались с помощью линейного регрессионного анализа ($n=201$). Так как тестовые процедуры измеряли одни и те же психологические особенности разными методами, совмещение их в одной процедуре статистической обработки было недопустимо, поэтому были построены две регрессионные модели. Поскольку в основе регрессионного анализа лежит оценка множественной корреляции, применение его к результатам всей выборки позволило соблюсти одно из обязательных требований данной статистической процедуры — избежать ограничения диапазона переменной, операционализирующей объект исследования (выраженность проявлений гелотофобии).

Результаты

Особенности контроля эмоций, связанные со страхом осмеяния

Ранговый коэффициент Спирмена показал, что выраженность гелотофобии и алекситимии не коррелируют ($r=0,12$; $p=0,89$). Поэтому можно исключить коварирующее влияние способности высказываться о своих эмоциях на результаты исследования. Также отсутствуют значимые гендерные различия между участниками по всем переменным, измеряемым в исследовании.

Оценка по критерию Колмогорова–Смирнова показала, что распределение ответов по гелотофобии, эмоциональному интеллекту, копингам, стилям реагирования на успехи и неудачи не соответствует нормальному и не позволяет пользоваться параметрической статистикой. Поэтому, опираясь на опыт других исследователей [7], выборка была поделена в соответствии с нормами опросника гелотофобии на две группы: люди, у которых гелотофобия варьирует от полностью невыраженной до пограничного состояния страха осмеяния ($n=153$); и те, у кого гелотофобия варьирует от минимальной степени до выраженной ($n=48$). Полученные таким образом группы сравнивались с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни для выяснения тех аспектов самооценки способностей к пониманию и контролю эмоций, высокая или низкая выраженность которых сопряжена с обладанием гелотофобией. Результаты этого анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1

Различия в частоте объяснений успехов и неудач, обращений к стратегиям копинга и по эмоциональному интеллекту в связи с наличием или отсутствием гелотофобии

Шкалы	Без гелотофобии (n=153)	С минимальной гелотофобией (n=48)	p
	Средний балл	Средний балл	
Постоянство объяснения неудач	3,69	4,78	0,004
Постоянство объяснения успехов	2,93	1,67	0,028
Широта (распространенность) причин неудач	3,44	4,76	<0,001
Широта (глобальность) причин успеха	3,52	2,42	<0,001
Выраженность пессимистического стиля	12,41	14,76	<0,001
Выраженность оптимистического стиля	9,71	6,67	<0,001
Ведущий атрибутивный стиль (пессимизм)	-2,69	-8,09	<0,001
ЭИ: Управление эмоциями окружающих	18,47	15,88	0,037
ЭИ: Управление своими эмоциями	12,18	9,82	<0,001
Копинг «Избегание»	19,98	3,38	0,040

Примечания. В таблице представлены только те шкалы, по которым выявились значимые различия. ЭИ — эмоциональный интеллект. Результаты представлены с поправкой Холма–Бонферрони на множественные сравнения.

Обобщая данные таблицы 1, можно сказать, что при наличии гелотофобии неудачи рассматриваются как следствие причин, постоянно действующих в широком круге ситуаций, а успехи — как результат редкого и случайного стечения обстоятельств, что характерно для пессимистического стиля объяснения: он существенно выше, чем в группе без гелотофобии. Возможно, именно в этой связи обладатели гелотофобии ниже оценивают свою способность управлять своими и чужими эмоциями, так как острее ощущают недостаток способности контролировать поводы для их переживания — добиваться успехов и избегать неудач — и одновременно не готовы уклоняться от конфронтации с источниками переживания (существенно реже используют копинг «Избегание»). Остальные копинги они используют так же часто, как и люди без гелотофобии. В свете дальнейших результатов существенно то, что значимые различия проявляются только в сфере контроля своих и чужих эмоций, но не в сфере способности к пониманию эмоций.

Особенности распознавания и понимания эмоций, связанные со страхом осмеяния

Для оценки распознавания эмоций, кроме опросника на эмоциональный интеллект, использовались тестовые процедуры, которые исключали дистанционный формат проведения. Поэтому количество участников исследования сократилось до 201, среди которых 157 девушек и 54 юноши. Согласно критерию Колмогорова–Смирнова новое распределение соответствует нормальному виду по всем шкалам, кроме чувствительности к негативной валентности переживания в Видео-тесте (которая в любом случае не вошла ни в одну регрессионную модель), способностей к пониманию своих эмоций и управлению чужими эмоциями при оценке эмоционального интеллекта. Результаты обрабатывались с помощью линейного регрессионного анализа методом пошагового исключения, в котором зависимой переменной была выраженность гелотофобии, а независимыми — шкалы опросника ЭМИн и Видео-теста (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа по данным предикции гелотофобии самоотчетными методиками и результатами Видео-теста (n=201)

Предикторы	β	t	p
Константа		16,82	<0,00
Сензитивность к положительной валентности и низкой активации (спокойствие, расслабленность, радость) ^a	-0,16	-2,60	0,01
Понимание эмоций других людей ^b	0,25	3,19	0,00
Управление эмоциями других ^b	-0,28	-3,56	0,00
Понимание своих эмоций ^b	-0,21	-3,12	0,00
Управление своими эмоциями ^b	-0,28	-4,02	0,00
Точность модели: R=0,51; R ² =0,26; F=13,40; p<0,001			

Примечание: β — стандартизированный коэффициент; ^a — Видео-тест; ^b — Опросник на эмоциональный интеллект.

В таблице 2 выделяются два важных результата. Во-первых, по данным тестовой оценки значимым предиктором гелотофобии оказалась сензитивность к положительной валентности эмоций. Чем сильнее недооценивается выраженность позитивных эмоций в видеосюжетах при выполнении теста, тем больше симптомов гелотофобии демонстрируют участники, среди которых были как обладатели выраженной гелотофобии, так и те, у кого гелотофобия не выражена. Сензитивность к негативной валентности эмоций варьирует независимо от выраженности гелотофобии. То есть чувствительность при распознавании эмоций, непосредственно проявляемая участниками в Видео-тесте, продемонстрировала прогрессивность и избирательность снижения по мере прироста проявлений гелотофобии.

Во-вторых, бросается в глаза противоречие: чем больше расхождение между растущей оценкой способности к пониманию своих эмоций в самоотчете и снижающейся чувствительностью к положительной валентности эмоциональной экспрессии, продемонстрированной в Видео-тесте, тем более выражена гелотофобия. Обращает на себя внимание, что понимание эмоций других людей — это единственная особенность эмоционального интеллекта, которая положительно коррелирует с выраженностью гелотофобии в регрессионной модели. Снижение способности к управлению своими и чужими эмоциями при более выраженной гелотофобии представляется неоднозначным фактом, поскольку распределение данных по обеим шкалам отлично от нормального, что нарушает требования регрессионного анализа. Однако этот результат подтверждается данными сравнения по критерию Манна–Уитни, выявившему более низкие оценки способности к управлению своими и чужими эмоциями при хотя бы минимальной гелотофобии, а также данными других исследователей [14].

Пролить свет на природу расхождения между самооценкой способности к распознаванию эмоций и фактической способностью распознавать чужие эмоции помог тест оценки скорости и точности категоризации эмоций. Возможно, гелотофобия провоцирует у своего обладателя определенную мнительность при оценке экспрессии, когда более выраженные признаки позитивных переживаний распознаются и оцениваются как фальшивые, неискренние, требующие обнаружения истинной подоплеки, совсем не позитивной, и это приводит к различиям в результатах теста и самоотчета. С другой стороны, причина может заключаться в измерительном инструменте. Например, опросник ЭМИн не уделяет достаточного внимания позитивным эмоциям, поэтому качество их распознавания не принимается в расчет в итоговых оценках успешности понимания эмоций, а в Видео-тесте им отведена отдельная шкала и два показателя — точность и сензитивность, из которых только последняя снижается по мере выраженности гелотофобии. То есть чем более выражена гелотофобия, тем более интенсивная позитивная экспрессия необходима, чтобы она была распознана. Поэтому последнее задание на категоризацию эмоций дублировало результаты Видео-теста, так как тоже позволяло оценить и точность, и скорость словесного обозначения эмоций, однако другим способом — не через соответствие ответов испытуемых оценкам экспертов, которое оценивается в Видео-тесте, а с помощью оценки времени реакции при назывании эмоций. Также это задание позволило искусственно развести два источника информации, на основе которой идентифицируется позитивная эмоция — лицевую экспрессию и ситуационный контекст, провоцирующий те или иные эмоции.

Корреляционный анализ количества неправильных ответов при категоризации страха, радости, печали и гнева с симптоматикой гелотофобии с использованием рангового коэффициента Спирмена выявил только две значимые, но крайне слабые корреляции: чем чаще ошибаются при определении страха по лицу ($r=-0,132$, $p=0,046$) и по ситуации ($r=-0,133$, $p=0,045$), тем выше гелотофобия. Также обнаружена одна значимая корреляция между количеством ошибок и опознанием печали по лицу, согласно которой большее количество ошибок сопровождается меньшей выраженностью гелотофобии ($r=-0,130$, $p=0,049$). Однако поправка на множественные сравнения нивелирует эти корреляции. Следовательно, нельзя говорить о том, что точность распознавания разных эмоций как-то связана с выраженностью гелотофобии.

Далее мы исключили из обработки неправильные ответы участников, сохранив только время правильного опознания разных эмоций. Распределение этих данных соответствовало нормальному виду, поэтому был использован линейный регрессионный анализ методом пошагового исключения. Предиктором выступала скорость распознавания четырех эмоций на основе лицевой экспрессии и условий переживания, а зависимой переменной — выраженность гелотофобии. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Результаты регрессионного анализа по данным предикции гелотофобии
 самоотчетными методиками и результатами аппаратного хронометрирования**

Условия распознавания (что предъявляется участнику)	Предикторы	β	t	p
Лицо на белом фоне	Константа		5,01	<0,001
	Гнев	-0,14	-0,98	0,330
	Радость	-0,37	-2,25	0,030
	Печаль	0,39	2,37	0,020
Ситуация переживания, выражение лица неразлично	Гнев	0,28	1,91	0,060
	Страх	-0,18	-0,98	0,330
	Радость	-0,49	-3,04	<0,001
	Печаль	0,17	1,09	0,280
Выражение лица и условия переживания согласованы, называть эмоции по ситуации	Страх	0,37	1,76	0,080
	Радость	-0,59	-2,20	0,030
	Печаль	0,54	3,59	<0,001
Выражение лица и условия переживания согласованы, называть эмоции по лицу	Радость	0,16	1,26	0,220
	Страх	0,14	0,89	0,380
Выражение лица и условия переживания рассогласованы, называть эмоции по ситуации	Печаль	0,24	1,47	0,150
	Гнев	-0,34	-1,96	0,060
	Страх	0,12	0,95	0,350
	Радость	0,58	2,82	0,010
Выражение лица и условия переживания рассогласованы, называть эмоции по лицу	Печаль	-0,36	-2,06	0,050
	Гнев	-0,26	-1,63	0,110
	Страх	0,32	2,10	0,040

Примечание: β — стандартизированный коэффициент регрессии. Жирным шрифтом выделены значимые предикторы.

Значимым предиктором гелотофобии выступает скорость правильного опознания радости и ее противоположности — печали. Причем чем более выражена гелотофобия, тем быстрее опознается печаль и медленнее — радость в тех условиях, когда информация однозначна: если экспрессия и обстоятельства переживания соответствуют друг другу по эмоциональной окраске или если из этих двух источников эмоциональной информации доступен только один. Когда же лицевая экспрессия и обстоятельства переживания не соответствуют друг другу, данная закономерность пропадает и даже меняет знак, как в случае задачи на игнорирование экспрессии и ориентировки только на условия переживания.

Процедура категоризации эмоций позволила выяснить, что снижение сензитивности к позитивной валентности эмоций, обнаруженное при использовании Видео-теста, обусловлено скоростью распознавания позитивных эмоций при гелотофобии, а не снижением точности распознавания. Она связана с ограниченной продолжительностью видеостимулов (около минуты). При увеличении выраженности гелотофобии респондентам не хватает этого времени, чтобы ответить корректно.

Обсуждение результатов

Как мы и предполагали, снижение эффективности распознавания и контроля эмоций в связи с выраженностью гелотофобии воспроизводится на всех этапах данного исследования только в результатах самоотчетной методики (ЭМИн). Тогда как в тестовых методиках обнаруживается снижение сензитивности и скорости, но не точности распознавания позитивной экспрессии. Способность к контролю своих эмоций, измеренная косвенно, — через частоту использования разных стратегий копинга — также оказывается не связанной с выраженностью симптоматики гелотофобии, за единственным исключением — более редким использованием копинга «Избегание». В отношении нашей первой гипотезы о существовании специфических особенностей контроля или понимания эмоций при гелотофобии можно заключить, что отказ от копинга «Избегание» является единственной такой особенностью, сопряженной с самим фактом обладания гелотофобией, вне зависимости от степени ее выраженности. Тогда как остальные полученные в этом исследовании данные касательно худшего распознавания и контроля эмоций свидетельствуют больше об обесценивании своих способностей при гелотофобии, чем о действительном их состоянии. Эти результаты соответствуют общей тенденции к недооценке своих когнитивных способностей при гелотофобии, отмеченные ранее по результатам совокупности исследований [17], и добавляют к их списку когнитивные по своей функции способности, направленные на переработку эмоционального содержания, в соответствии со второй гипотезой исследования.

Результаты данного исследования позволяют развить и конкретизировать то, как именно искажаются представления о своих когнитивных возможностях при гелотофобии. Обобщая эти результаты, можно увидеть амбивалентность как в оценке способности к контролю эмоций, так и в отношении понимания эмоций в связи с наличием гелотофобии.

Амбивалентность в отношении контроля эмоций проявляется в том, что наличие гелотофобии сопряжено с низкой уверенностью в своей способности управлять

эмоциями (своими и других людей), преодолевать причины неуспеха и контролировать факторы, приводящие к успеху (т.е. поводы для соответствующих переживаний). Более низкие оценки способности управлять своими эмоциями при гелотофобии отмечали и другие авторы [20]. Наиболее разумной стратегией при такой низкой оценке своей способности к контролю эмоций является избегание обстоятельств, провоцирующих эмоции. Однако присутствие даже минимально выраженной гелотофобии сопряжено с отказом от стратегии копинга «Избегание», характеризующейся стремлением уклоняться от контакта с неприятной ситуацией, с мыслями и переживаниями по ее поводу (см. табл. 1). При этом другие стратегии копинга используются одинаково часто при наличии гелотофобии и при ее отсутствии. В таком противоречивом отношении к источникам переживаний — отказе предпринимать действия, направленные на избегание, на фоне заниженной оценки возможности контролировать негативные переживания, вызываемые угрозой, — проявляется невротическая природа страха осмеяния.

Способность к пониманию эмоций при гелотофобии также ведет себя амбивалентно в отношении объекта страха — позитивной экспрессии (в тестовых видеосюжетах) и ее оценки в самоотчете. Более низкая сензитивность к положительной валентности эмоциональной экспрессии в тесте сопровождается более высокой оценкой своей способности к пониманию эмоций других людей. Чем больше выражена гелотофобия, тем более выражено данное расхождение (см. табл. 2). Это может объясняться не только особенностями понимания эмоций, но и разницей в методах измерения.

Измерение способности к распознаванию эмоций разными тестовыми методами показало, что вариативность этой способности зависит от метода исследования. Обладатели гелотофобии не обманывают, когда сообщают об успешности в понимании эмоций. В обеих тестовых методиках это подтверждается отсутствием связей между гелотофобией и точностью опознания как валентности (позитивной и негативной) эмоций, так и отдельных модальностей эмоций (радость, страх, гнев и печаль). Хронометрирование категоризации эмоций показало, что гелотофобия сопровождается снижением скорости опознания позитивных эмоций и ускорением распознавания экспрессии печали (см. табл. 3). Если эти процессы не пропорциональны друг другу, то повышение гелотофобии вполне может сопровождаться повышением успешности распознавания эмоций, отраженным в самоотчете, за счет чувствительности к проявлениям печали. Выявленное в Видео-тесте уменьшение сензитивности к положительной валентности связано со стандартной продолжительностью видеосюжетов в методике (60 сек.). Чем больше выражена гелотофобия, тем сильнее этого времени не хватает человеку для распознавания одной только позитивной экспрессии, что проявляется в снижении показателя сензитивности к позитивной валентности, не затрагивая показатель точности. Гелотофобия не нарушает умение распознавать лицевую экспрессию, она отвлекает на себя психологические ресурсы только при распознавании позитивной экспрессии. Это позволяет объяснить возможную причину искажений в оценке собственных познавательных способностей при гелотофобии в рамках второй гипотезы исследования. Она возникает не вследствие рефлексии большого количества ошибок при распознавании или попытках контроля эмоций, а в результате осознания того, что другие люди быстрее справляются с данной задачей.

Такое увеличение времени перцептивной переработки пугающих стимулов Дж. Бруннер и представители школы *new look* объясняли с помощью понятия перцептивной защиты [9], при которой люди стараются до последнего не распознавать угрозу, в противоположность стратегии перцептивной бдительности, направленной на максимально быстрое обнаружение источника беспокойства. Обе стратегии, согласно представлениям исследователей, реализуются неосознанно, обеспечивая избирательность нашего восприятия. Защита проявляется в том, что признаки угрозы, каковыми при гелотофобии выступают смех и улыбка, отфильтровываются уже на уровне восприятия ситуации.

Можно сказать, что избегание, не реализованное на уровне поведенческой стратегии копинга, обеспечивающей снижение эмоционального напряжения за счет намеренного игнорирования источника негативных переживаний и стресса, отличает обладателей гелотофобии от тех, у кого страх осмеяния не выражен. Тем не менее эта копинг-стратегия реализуется при гелотофобии в работе перцептивных механизмов при распознавании экспрессии, провоцирующей их фобию.

Выводы

Присутствие даже минимальной гелотофобии способствует активации избегания угрозы — защитного поведения, свойственного переживанию любого страха. Избегание угрозы при гелотофобии невротически амбивалентно. Оно не проявляется в форме намеренно используемой стратегии копингового поведения: копинг «Избегание» обладатели хотя бы минимально выраженной гелотофобии используют существенно реже, чем их сверстники, не обладающие гелотофобией. Скорее, избегание угрозы реализуется в форме перцептивной защиты, суть которой в том, чтобы игнорировать выражение веселья в воспринимаемой экспрессии (по результатам регрессионного анализа). Перцептивная защита проявляется в пропорциональном количестве проявлений гелотофобии при снижении скорости опознания позитивной экспрессии в ситуациях, содержащих однозначную непротиворечивую информацию о переживаемых эмоциях. Однако этот механизм дает сбой, когда такая информация противоречива.

Другой особенностью восприятия эмоциональной экспрессии при более выраженной гелотофобии является более быстрое распознавание экспрессии печали на всем диапазоне измерения гелотофобии, подтверждая вторую гипотезу исследования о том, что влияние гелотофобии выходит за рамки переработки информации об объекте страха — позитивной экспрессии. В совокупности с увеличением времени распознавания позитивной экспрессии это провоцирует расхождение в оценке точности понимания веселья тестовыми и самоотчетными методами, нашедшее отражение в результатах данного исследования, а также в противоречивости исследовательских данных о точности распознавания эмоций при гелотофобии.

Важным результатом данного исследования является демонстрация того, что наиболее вероятным источником этих противоречий является снижение не точности, а скорости опознания позитивной экспрессии, вклад которой нам удалось выявить, благодаря снятию ограничения на продолжительность восприятия эмоциональной экспрессии, накладываемого длиной видеороликов в методике В.В. Овсянниковой

и Д.В. Люсина. При снятии этого ограничения указанное противоречие разрешилось: увеличение гелотофобии больше не сопровождалось снижением точности распознавания эмоций. Мы объясняем это действием перцептивной защиты, которая требует все большего времени на ее преодоление, прежде чем эмоция будет опознана. Этот результат свидетельствует о том, что дело не в деструкции процессов распознавания эмоций, связанной с боязнью осмеяния, а в ограничении времени, отводимого на решение этой перцептивной задачи.

Перспективы и ограничения исследования. Перспектива использования полученных данных связана с необходимостью контроля фактора времени, затрачиваемого при опознании эмоций, для более точного изучения способности к пониманию эмоций при гелотофобии. Данная перспектива является методической, открывающей необходимость контроля времени, отводимого на выполнение заданий, в качестве побочной переменной при диагностике ограничений, связанных с боязнью осмеяния. Диагностическая перспектива использования полученных результатов связана с проверкой в последующих исследованиях готовности и способности использовать сознательно контролируемые средства управления страхом. В данном исследовании в этой роли выступали стратегии копинга как критерий различения гелотофобии, в основе которой лежит либо отсутствует невротическая симптоматика.

Наконец, новая перспектива исследования связана с прояснением значения механизма перцептивной защиты в функционировании и возможном прогрессе гелотофобии. При обращении к исследованию этих перспектив, безусловно, необходимо проверить значимость дополнительных переменных, характеризующих выборку данного исследования. Самое основное — хотя гелотофобия и оценивалась с помощью надежной и стандартизированной методики, однако установленные с ее помощью оценки гелотофобии не сопровождалась клинической проверкой невротических проявлений. Как показали разработчики методики GELOPF-15, гелотофобия может быть одним из проявлений невротизации по депрессивному или тревожному типу или же существовать независимо от них. Баллы методики лишь оценивают выраженность страха осмеяния, но не позволяют определить, лежит в его основе такая невротизация или нет. Другие факторы, которые должны быть проконтролированы в исследовании гелотофобии, — это возраст, статус учащихся, уровень интеллекта и мотивация. Эти особенности могут обуславливать более выраженную подверженность страху осмеяния или, наоборот, служить буфером для его формирования.

Литература

1. Битюцкая Е. Обоснование и разработка русскоязычной версии «Опросника способов копинга» // Развитие личности. 2014. № 3. Р. 187–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-i-razrabotka-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-sposobov-kopinga/viewer> (дата обращения: 18.12.2022).
2. Иванова П.О., Иванова Е.М. Апробация русскоязычной версии Опросника сценариев дружелюбного подшучивания и агрессивного высмеивания (ОСПВ) Т. Платт // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 2. С. 140–158. DOI: 10.17759/cpse.2019080208

3. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
4. Люсин Д.В., Овсянникова В. В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. 2013. Том 34. № 6. С. 82–94.
5. Рудина Л.М. Тест на оптимизм: Метод определения атрибутивных стилей: методическое пособие / Под ред. В.М. Русалова. М.: Наука, 2002. 24 с.
6. Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К. и др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Том 20. № 4. С. 31–38.
7. Стефаненко Е.А., Иванова И.М., Ениколопов С.Н. и др. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 2. С. 94–108.
8. Brauer K., Proyer R., Ruch W. Extending the study of gelotophobia, gelotophilia, and katagelasticism in romantic life toward romantic attachment // Journal of Individual Differences. 2020. Vol. 41. № 2. P. 86–100. DOI: 10.1027/1614-0001/a000307
9. Bruner J.S., Postman L. On the perception of incongruity: A paradigm // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. № 2. P. 206–223. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x
10. Canestrari C., Carrieri A., Del Moral G. et al. Do coping strategies and the degree of satisfaction with one's social life and parental attachment modulate gelotophobia, gelotophilia and katagelasticism? A study on young Italian adults // Current Psychology. 2019. DOI: 10.1007/s12144-019-00417-4
11. Folkman S., Lazarus R.S. If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. Vol. 48. № 1. P. 150–170. DOI: 10.1037//0022-3514.48.1.150
12. Folkman S., Lazarus R.S., Dunkel-Schetter C. et al. Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. № 5. P. 992–1003. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.992
13. Papousek I., Ruch W., Freudenthaler H.H. et al. Gelotophobia, emotion-related skills and responses to the affective states of others // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47. № 1. P. 58–63. DOI: 10.1016/j.paid.2009.01.047
14. Papousek I., Schuler G., Rominger C. et al. The fear of other persons' laughter: Poor neuronal protection against social signals of anger and aggression // Psychiatry Research. 2016. Vol. 235. P. 61–68. DOI: 10.1016/j.psychres.2015.11.049
15. Platt T. Emotional responses to ridicule and teasing: Should gelotophobes react differently? // Humor: International Journal of Humor Research. 2008. Vol. 21. № 2. P. 105–128. DOI: 10.1515/HUMOR.2008.005
16. Proyer R.T., Hempelmann C.F., Ruch W. Were they really laughed at? That much? Gelotophobes and their history of perceived derisibility // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 213–231. DOI: 10.1515/HUMR.2009.010

17. Proyer R.T., Ruch W. Enjoying and fearing laughter: Personality characteristics of gelotophobes, gelotophiles, and katagelasticians // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. Vol. 52. № 2. P. 148–160. DOI: 10.5167/uzh-34689.
18. Ritter J., Brück C., Jacob H. et al. Laughter perception in social anxiety // *Journal of Psychiatric Research*. 2015. Vol. 60. P. 178–184. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2014.09.021
19. Rom E., Mikulincer M. Attachment theory and group processes: The association between attachment style and group-related representations, goals, memories, and functioning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. № 6. P. 1220–1235. DOI: 10.1037/0022-3514.84.6.1220
20. Ruch W. Fearing humor? Gelotophobia: The fear of being laughed at Introduction and overview // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 1–25. DOI: 10.1515/humr.2009.001
21. Ruch W., Altfreder O., Proyer R.T. How do gelotophobes interpret laughter in ambiguous situations? An experimental validation of the concept // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 63–89. DOI:10.1515/HUMR.2009.004
22. Ruch W., Platt T., Bruntsch R. et al. Evaluation of a picture-based test for the assessment of gelotophobia // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Article 2043. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02043
23. Ruch W., Proyer R.T. The fear of being laughed at: Individual and group differences in gelotophobia // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2008. Vol. 21. № 1. P. 47–67. DOI: 10.1515/humor.2008.002
24. Scherer K.R., Summerfield A.B., Wallbott H.G. Cross-national research on antecedents and components of emotion: A progress report // *Social Science Information*. 1983. Vol. 22. № 3. С. 355–385. DOI: 10.1177/053901883022003002
25. Titze M. Gelotophobia: The fear of being laughed at // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. Vol. 22. № 1–2. P. 27–48. DOI: 10.1515/HUMR.2009.002
26. Tottenham N., Tanaka J.W., Leon A.C. et al. The NimStim set of facial expressions: Judgments from untrained research participants // *Psychiatry Research*. 2009. Vol. 168. № 3. P. 242–249. DOI: 10.1016/j.psychres.2008.05.006
27. Weiss E.M., Schuler G., Freudenthaler H.H. et al. Potential markers of aggressive behavior: The fear of other persons' laughter and its overlaps with mental disorders // *PLoS ONE*. 2012. Vol. 7. № 5. E38088. DOI: 10.1371/journal.pone.0038088

References

1. Bityutskaya E. Obosnovanie i razrabotka russkoyazychnoi versii «Oprosnika sposobov kopinga» [Substantiation and elaboration of Russian language version of «Ways of Coping Questionnaire»]. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*, 2014, no. 3, pp.187–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-i-razrabotka-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-sposobov-kopinga/viewer> (Accessed: 18.12.2022). (In Russ., abstr. in Engl.)

2. Ivanova P.O., Ivanova E.M. Aprobatsiya russkoyazychnoi versii Oprosnika stsenariiev družhelyubnogo podshuchivaniya i agressivnogo vysmeivaniya (OSPV) T. Platt [Russian Approbation of the Ridicule Teasing Scenario Questionnaire (RTQ) of T. Platt]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 140–158. DOI:10.17759/cpse.2019080208. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya ehmtsional'nogo intellekta: Oprosnik EhMIn [A new technique for measuring emotional intelligence: The EmIn Questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2006, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.).
4. Lyusin D.V. Ovsyannikova V.V. Izmerenie sposobnosti k raspoznavaniyu ehmtsii s pomoshch'yu videotesta [Video test for measuring emotions recognition]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2013, vol. 34, no. 6, pp. 82–94. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Rudina L.M. Test na optimizm: Metod opredeleniya atributivnykh stilei: Metodicheskoe posobie [Optimism Test: Method for Determining Attributive Styles: A methodical guideline]. V.M. Rusalov (ed.). Moscow: Nauka, 2002. 24 p. (In Russ.).
6. Starostina E.G., Taylor G.D., Quilty L.K. et al. Torontskaya shkala aleksitimii (20 punktov): Validizatsiya russkoyazychnoi versii na vyborke terapevticheskikh bol'nykh [A new 20-item version of the Toronto Alexithymia Scale: Validation of the Russian language translation in a sample of medical patients]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2010, vol. 20, pp. 31–38. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Stefanenko E.A., Ivanova E.M., Enikolopov S.N. et al. Diagnostika strakha vyglyadet' smeshnym: russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii [The fear of being laughed at at diagnostics: Russian adaptation of Gelotophobia Questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2011, vol. 32, № 2, pp. 94–108. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Brauer K., Proyer R., Ruch W. Extending the study of gelotophobia, gelotophilia, and katagelasticism in romantic life toward romantic attachment. *Journal of Individual Differences*, 2020, vol. 41, no. 2, pp. 86–100. DOI: 10.1027/1614-0001/a000307
9. Bruner J.S., Postman L. On the perception of incongruity: A paradigm. *Journal of Personality*, 1949, vol. 18, no. 2, pp. 206–223. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x
10. Canestrari C., Carrieri A., Del Moral G. et al. Do coping strategies and the degree of satisfaction with one's social life and parental attachment modulate gelotophobia, gelotophilia and katagelasticism? A study on young Italian adults. *Current Psychology*, 2019. DOI: 10.1007/s12144-019-00417-4
11. Folkman S., Lazarus R.S. If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1985, vol. 48, no. 1, pp. 150–170. DOI: 10.1037//0022-3514.48.1.150
12. Folkman S., Lazarus R.S., Dunkel-Schetter C. et al. Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, vol. 50, no. 5, pp. 992–1003. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.992
13. Papousek I., Ruch W., Freudenthaler H.H. et al. Gelotophobia, emotion-related skills and responses to the affective states of others. *Personality and Individual Differences*, 2009, vol. 47, no. 1, pp. 58–63. DOI: 10.1016/j.paid.2009.01.047

14. Papousek I., Schulter G., Rominger C. et al. The fear of other persons' laughter: Poor neuronal protection against social signals of anger and aggression. *Psychiatry Research*, 2016, vol. 235, pp. 61–68. DOI: 10.1016/j.psychres.2015.11.049
15. Platt T. Emotional responses to ridicule and teasing: Should gelotophobes react differently? *Humor: International Journal of Humor Research*, 2008, vol. 21, no. 2, pp. 105–128. DOI: 10.1515/HUMOR.2008.005
16. Proyer R.T., Hempelmann C.F., Ruch W. Were they really laughed at? That much? Gelotophobes and their history of perceived derisibility. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2009, vol. 22, no. 1–2, pp. 213–231. DOI: 10.1515/HUMR.2009.010
17. Proyer R.T., Ruch W. Enjoying and fearing laughter: Personality characteristics of gelotophobes, gelotophiles, and katagelasticians. *Psychological Test and Assessment Modeling*, 2010, vol. 52, no. 2, pp. 148–160. DOI: 10.5167/uzh-34689.
18. Ritter J., Brück C., Jacob H. et al. Laughter perception in social anxiety. *Journal of Psychiatric Research*, 2015, vol. 60, pp. 178–184. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2014.09.021
19. Rom E., Mikulincer M. Attachment theory and group processes: The association between attachment style and group-related representations, goals, memories, and functioning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 84, no. 6, pp. 1220–1235. DOI: 10.1037/0022-3514.84.6.1220
20. Ruch W. Fearing humor? Gelotophobia: The fear of being laughed at Introduction and overview. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2009, vol. 22, no. 1–2, pp. 1–25. DOI: 10.1515/humr.2009.001
21. Ruch W., Altfreder O., Proyer R.T. How do gelotophobes interpret laughter in ambiguous situations? An experimental validation of the concept. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2009, vol. 22, no. 1–2, pp. 63–89. DOI: 10.1515/HUMR.2009.004
22. Ruch W., Platt T., Bruntsch R. et al. Evaluation of a picture-based test for the assessment of gelotophobia. *Frontiers in Psychology*, 2017, vol. 8, article 2043. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02043
23. Ruch W., Proyer R.T. The fear of being laughed at: Individual and group differences in gelotophobia. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2008, vol. 21, no. 1, pp. 47–67. DOI: 10.1515/humor.2008.002
24. Scherer K.R., Summerfield A.B., Wallbott H.G. Cross-national research on antecedents and components of emotion: A progress report. *Social Science Information*, 1983, vol. 22, no. 3, pp. 355–385. DOI: 10.1177/053901883022003002
25. Titze M. Gelotophobia: The fear of being laughed at. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2009, vol. 22, no. 1–2, pp. 27–48. DOI: 10.1515/HUMR.2009.002
26. Tottenham N., Tanaka J.W., Leon A.C. et al. The NimStim set of facial expressions: Judgments from untrained research participants. *Psychiatry Research*, 2009, vol. 168, no. 3, pp. 242–249. DOI: 10.1016/j.psychres.2008.05.006

Климова К.К., Кравченко Ю.Е.
Особенности распознавания эмоций
и управления ими при гелотофобии
Клиническая и специальная психология
2022. Том 11. № 4. С. 92–113.

Klimova K.K., Kravchenko Yu.E.
Understanding and Managing Emotions
in Gelotophobia
Clinical Psychology and Special Education
2022, vol. 11, no. 4, pp. 92–113.

27. Weiss E.M., Schuler G., Freudenthaler H.H. et al. Potential markers of aggressive behavior: The fear of other persons' laughter and its overlaps with mental disorders. *PLoS ONE*, 2012, vol. 7, no. 5, e38088. DOI: 10.1371/journal.pone.0038088

Информация об авторах

Климова Ксения Константиновна, аспирант факультета психологии, преподаватель кафедры общей психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2163-4996>, e-mail: klimova-kk@ranepa.ru

Кравченко Юнна Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Information about the authors

Kseniia K. Klimova, Postgraduate Student, Faculty of Psychology, Lecturer, Faculty of Psychology, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2163-4996>, e-mail: klimova-kk@ranepa.ru

Yunna E. Kravchenko, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Psychology, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Получена: 12.03.2022

Received: 12.03.2022

Принята в печать: 22.12.2022

Accepted: 22.12.2022